

ГЛАВА 16. МАЛЕНЬКАЯ ЭКСТРА — КАПРИЗЫ

— Мне так плохо... Цэ...!

Шэ Инь резко отбросил одеяло. Он страдальчески нахмурился, а его затуманенный взгляд мог бы довести до греха и монаха, и мирянина. Если бы не его тихие жалобы на судьбу и капризно надутые губы; если бы не печать глубокой обиды на изысканном лице; если бы в глубине его зрачков не затаилась неприкрытая меланхолия — любой бы не устоял перед этой невольной, манящей позой и бросился бы на совершение преступления, способного разгневать и богов, и людей.

К счастью, трогательная беззащитность больного умирала любую похоть. При взгляде на измученного недугом красавца хотелось лишь нежно прижать его к себе и шептать ласковые слова утешения. Увы, такая возможность выпадала далеко не каждому, ведь губы юноши звали лишь одного-единственного человека:

— Цэчжи...

— Где болит, м-м?

Люй Цэчжи бережно перехватил его беспорядочно мечущиеся руки. Под глазами молодого главы залегли тени усталости, но на мужественном лице не было и следа нетерпения. Лишь едва сдерживаемая нежность и острая жалость выдавали его чувства; привычная холодность, казалось, испарилась за одну ночь, делая его облик настолько притягательным, что невозможно было отвести взгляд. Цэчжи слабо улыбнулся, сам того не замечая. На душе было непривычно легко — по крайней мере, на этот раз Инь не перепутал имена. Молодой глава Люй до сих пор с содроганием вспоминал, как тогда на Снежном хребте, когда Шэ Инь в бреду едва не сгорал от лихорадки, тот вцепился в него мертвой хваткой и требовал любви и ласки, упорно называя...

«Мамочкой».

Да, именно «мамочкой». Этот взрослый мужчина прижимался к нему, искал защиты и умолял не уходить, принимая его за родительницу...

— Голова... раскалывается... и плечи... всё тело ломит! Везде больно!

В затуманенных глазах, блесневших от болезненного возбуждения, показались слёзы. Не в силах совладать с жаром и болью от ран, Шэ Инь в отчаянии порывался расчесать кожу до кровавых рубцов, лишь бы унять это изнуряющее мучение. Ему было невыносимо горько. Почему никто не хочет его пожалеть?!

— Тише, не мечись. Я помогу.

Тихо вздохнув, Люй Цэчжи взял прохладное полотенце и приложил к его лбу, сбивая жар. Другой рукой он начал мягко массировать кожу у лопаток, разгоняя боль.

— О-ох...

Почувствовав облегчение, Шэ Инь довольно зажмурился. Секунду спустя он закинул здоровую правую руку на шею Цэчжи и доверчиво прижался щекой к его груди.

— Так гораздо лучше...

Он поднял голову и расплылся в сонной, медово-сладкой улыбке, способной мгновенно выжечь все предохранители в округе.

— Теперь пора пить лекарство.

Не обращая внимания на вольность больного, Цэчжи поднёс чашу к его губам, надеясь, что тот сделает глоток. Увы, он забыл об одном: этот человек обладал феноменальной чувствительностью к снадобьям и абсолютной к ним неприязнью. Даже в беспамятстве этот инстинкт работал безотказно.

Шэ Инь плотно сжал губы, зажмурился и, резко отстранившись, отвернулся к стене. Всем своим видом он выражал такую скорбь, будто ему поднесли чашу со смертельным ядом.

«Я этого не слышал!»

Он не станет это пить. Ни за что не прикоснётся к этой отвратительной черной жиже!

— Инь...

Цэчжи устало потер переносицу. Его многолетняя маска безразличия окончательно дала трещину — больной Шэ Инь был в сто крат невыносимее здорового. С тех пор как он впал в это странное состояние — вроде бы и в сознании, отвечает на вопросы, но после пробуждения ничего не помнит (настоящая сверхспособность!), — он каждый божий день придумывал новые способы уклониться от приёма лекарств. Пора бы уже привыкнуть.

— Перестань, Инь. Будь послушным, выпей всё и засыпай, хорошо?

Глубоко вздохнув, Люй Цэчжи смягчил тон. Он уговаривал этого двадцатипятилетнего мужчину так, словно перед ним был капризный ребёнок, а Шэ Инь тем временем изображал внезапную глухоту.

— Не буду! — Он недовольно завозился под одеялом. Он натянул край до самых глаз, решив стоять на своём до последнего.

— Выпьешь — дам конфету.

«Боги, сколько ему лет?» Цэчжи почувствовал, как он краснеет от абсурдности ситуации. Применять такие детские уловки было постыдно, но на великого охотника в его нынешнем состоянии действовали только подобные методы.

— Пфф! — Из-за спины донёлся сдавленный смешок. Не нужно было оборачиваться, чтобы понять, чьих это рук дело. Но Люй проигнорировал свидетелей, сосредоточившись на «страусе», спрятавшемся под одеялом.

— Инь, ну же, будь хорошим мальчиком.

Для человека, привыкшего скрывать чувства за стеной холодного спокойствия, попытка нянчиться с «ребёнком» выглядела крайне нелепо. Однако его искренняя нежность и невольная забота сглаживали любую неловкость.

— Не хочу я это пить! — Шэ Инь сбросил одеяло. Он смотрел затуманенными глазами, в которых стояли слёзы: он отчаянно надеялся разжалобить сиделку и избежать горькой участи. Мама всегда поддавалась на этот взгляд! И даже если заставляла лечиться ради его же блага, никогда не выбирала такую невыносимую гадость, способную убить всё живое в желудке. Он ненавидел всё, что было связано с медициной. Ненавидел, ненавидел!

— Ши Юй уже жарит кролика. Ты ведь любишь крольчатину? Выпьешь — тогда и поешь.

«Разве на такую приманку он не клюнет?»

Снова послышалось хихиканье, прерванное чьим-то почти безумным шёпотом:

— Боги... прикончите меня кто-нибудь... Боги!

Люй Цэчжи проигнорировал эти стенания и снова приподнял Шэ Иня и поднёс чашу к его губам.

Тот нахмурился, глядя на тёмную пахучую жидкость. В его голове шла нешуточная борьба: жареный кролик против незыблемых принципов. Что важнее?

— Тогда... пусть все выйдут. Я выпью, и только потом заходите, договорились?

Кролик был слишком заманчивой перспективой. Нужно было просто спровадить лишние глаза, избавиться от улик и получить награду. Ах, этот аромат жареного мяса! Жди меня, мой золотистый кусочек!

В воздухе и впрямь будто бы поплыл густой мясной аромат, почти перебивая аптечную вонь. Почти, но не совсем.

— Очень хорошо. Значит, кролика не будет.

Цэчжи видел его насквозь. Неужели этот хитрец думал, что обманет его? Непослушные больные — самые ненадежные люди в мире. С трезвым Инем он мог бы сработать в своём привычном стиле — надавить авторитетом или пригрозить ледяным равнодушием. Но на больного холод не действовал. Люй Цэчжи сделал вид, что встаёт, собираясь унести остывающее снадобье.

— погоди! Не уходи! Я выпью, выпью!

Испугавшись, что его лишат законных прав на ужин, Шэ Инь мгновенно обвил руками его шею.

— Не уходи! Я сейчас же всё выпью!

Ради кролика можно было пойти на любые жертвы. Ну, приврал немного, с кем не бывает? Считайте, что он и не отказывался вовсе!

Цэчжи молча поднёс чашу к его губам. Шэ Инь сделал лишь крохотный глоток и тут же соорудил такую страдальческую мину, будто проглотил кусок раскалённого угля.

— Горько...

«Дыши. Терпи». Люй Цэчжи прикрыл глаза, а когда открыл глаза, в них снова была нежность, подавившая вздох бессилия.

— Выпей всё разом, тогда не будет так горько.

«Лучше один раз отмучиться, чем растягивать пытку». Люй уже всерьёз подумывал о том, что в следующий раз стоит приготовить лекарство в виде пилюль — лишь бы не видеть этого жалобного лица. Пусть этот вид и пробуждал в душе щемящую нежность, он не мог долго выносить печали на лице, которое должно лучиться лишь пьянящей улыбкой.

Но неужели даже Кровавый женьшень не способен исцелить эту странную лихорадку?

— Тогда поцелуй меня!

Шэ Инь выпятил губы, требуя награды за мучения. Он ждал, что Цэчжи поможет ему избавиться от навязчивой горечи во рту. Когда-то это было любимой игрой его матери, и он привык к подобному... Но где-то в глубине сознания мелькнула мысль: а вдруг поцелуй Цэчжи будет совсем другим?

— Инь!

Это была его маленькая странность во время болезни — требовать поцелуя после каждой порции лекарства. «Для вкуса», как он это называл. Люй Цэчжи не хотел спорить из-за чаши отвара, хотя чувство справедливости внутри него явно протестовало.

— Ты даже не хочешь меня поцеловать... Всё, я не буду пить!

И плевать на кролика! Он оттолкнул мешавшую чашу и приготовился снова зарыться в одеяло, чтобы один на один страдать от жара. Без этого целебного поцелуя мир становился слишком серым и болезненным.

— Боги... скажите мне, сколько ему лет?!

Ши И, уже не раз битый жизнью за этот день, окончательно пал духом. Он вцепился в плечо своего всё еще тихо посмеивающегося спутника, умоляя того сказать хоть что-то вразумительное, что вернуло бы ему веру в реальность.

— На вид — лет десять, — отозвался тот, хотя и не был уверен. Он давно забыл, каким был сам в десятилетнем возрасте, но сегодня ему представился редкий шанс освежить память. Одетый как скромный юноша-ученый, Юйчи Му прикрыл рот изящным рукавом, не в силах сдержать улыбку. Его голос, чуть хрипловатый, но глубокий, звучал завораживающе. Определенно, не зря он бросил все дела и пришёл посмотреть на это зрелище. Упрямец на кровати оказался куда забавнее, чем он ожидал.

Видеть, как взрослый двадцатипятилетний мужчина так очаровательно капризничает — это было редкое удовольствие. Если бы он сам обладал такой внешностью, эффект был бы не менее сокрушительным. А каков он, когда в здравом уме? Юйчи Му стало по-настоящему любопытно.

— Я так больше не могу!

Потрясённый до глубины души, Ши И оттолкнул его руку и бросился к стене. Глухой удар — и вот он уже замер, прижавшись лбом к камню и пытаясь обрести равновесие в этом перевернутом мире. Психика отказывалась принимать тот факт, что грозный охотник превратился в десятилетнего ребенка.

Люй Цэчжи было не до пыли на стенах; тот замер в нерешительности. Почему тот снова просит поцелуй? Не хотелось пользоваться беспомощностью человека, чьё сознание сейчас затуманено, но Люй понимал: иначе это лекарство никогда не будет выпито. Откинув лишние мысли, он коснулся губами лба Иня — мимолетный, почти невесомый жест.

Но Шэ Инь лишь возмущенно заворчал:

— Не туда! В губы! Я хочу, чтобы Цэчжи поцеловал меня в губы!

Глубокий вдох. Видимо, смухлевать не получится.

Ну что же, будь по-твоему.

Цэчжи склонился и мимолетно коснулся его губ, заметив, как лицо Иня мгновенно озарилось счастливой улыбкой, но в душе самого молодого главы шевельнулось странное чувство. Если бы Инь был в ясном уме, как бы всё сложилось сейчас?

— Ты такой хороший! Я люблю тебя больше всех на свете!

Теперь он пил лекарство добровольно, прямо из рук Цэчжи, то и дело прерываясь на новые «награды». Поцелуи Люя стали для него слаще любого сахара, и горечь снадобья больше не казалась такой невыносимой. Чаша опустела. В этой игре Шэ Иня и под негласным покровительством Цэчжи невинные прикосновения переросли в настоящий поцелуй — более глубокий и страстный...

Воздух в комнате, казалось, начал плавиться.

И в этом пламени что-то неумолимо менялось...

— Кхм! Молодой глава Люй, время на исходе.

Заметив, что двое окончательно забыли о присутствующих, Юйчи Му приподнял бровь и подал голос. Он всегда считал, что подобные ласки — удел мужчин и женщин, и впервые видел подобную сцену вживую. Если короткие касания еще можно было списать на уговоры «ребёнка», то это... Это уже была близость, возможная только между любовниками.

— Прошу господина Юйчи передать, что Люй скоро будет.

Успокоив довольно улыбающегося Шэ Иня и заставив его лечь поудобнее, Люй Цэчжи всё еще пребывал во власти той мимолетной фразы: «Я люблю тебя больше всех». Он знал, что разум Иня сейчас в смятении, но сердце всё равно предательски замерло. Он вспомнил, как там, в горах, слышал его тихий бред: «Не бросай меня... мне так одиноко...»

В тот миг им овладело безумное желание забрать его с собой, куда угодно.

К тому же тогда Инь... сам поцеловал его. И тот поцелуй был совсем не детским. Именно тогда Люй Цэчжи окончательно решил, что заберёт его в этот грешный мир.

Он не отпустит его. Потому что он слишком пристрастился к вкусу их поцелуев...

<http://bllate.org/book/17512/1657772>